

*Светлой памяти
выдающегося британского археолога,
иностранного члена РАН
сэра Колина Ренфрю*

DOI 10.24412/2658-3550-2024-2-3-14

АРХЕОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ: ВВЕДЕНИЕ К НОМЕРУ

Н.Н. Крадин

Этот номер журнала посвящён археологической теории в России. В последнее время наблюдается уменьшение количества публикаций, касающихся теоретических вопросов в археологии. Редакция МИА обратилась к профессиональному сообществу с призывом обсудить эту проблему, и несколько коллег откликнулись на него. В настоящем номере рассматривается, какие причины могли привести к снижению интереса к теории в отечественной археологии, как это связано с тенденциями развития археологической науки в мире.

Ключевые слова: археология, теория, социальная археология, история науки.

Нельзя не согласиться с Л.С. Клейном в том, что советская археология представляла собой «археологию великой державы» (Клейн 1993: 10—11). В ведущих журналах регулярно обсуждались теоретические вопросы археологической науки. Публиковались специальные монографии и сборники статей. Несколько научных учреждений позиционировали себя как центры теоретической археологии (Москва, Ленинград, Киев, Новосибирск, Воронеж, Кемерово и др.).

После 1991 г. теоретическая археология оказалась в забвении. Эта тематика редко обсуждается на страницах ведущих журналов, из программ археологических съездов исчезли секции, посвящённые теоретическим вопросам (поначалу их объединяли с теорией исследования науки). Определённый интерес советские археологи проявляли к процессуальной («новой») археологии, в то время как почти

Крадин Николай Николаевич, академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.

Kradin Nikolay Nikolayevich, Member of RAS, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

E-mail: kradin@ihaefe.ru

незаметной для отечественных исследователей была постпроцессуальная революция. Большинство современных российских археологических изданий пестрят многочисленными описаниями, классификациями и типологиями артефактов. Что же произошло и почему нашу археологию захлестнула волна вещеведческого эмпиризма? Чем это было обусловлено? Результат ли это общего кризиса гуманитарных наук в России или есть какие-то иные факторы, которые мы ещё не осознаём? Или же мы сгущаем краски и нынешняя ситуация не является столь критической?

Размышления о предмете и методах своей дисциплины — это важный критерий зрелости науки. Если обратиться к специальной литературе на английском языке, то легко обнаружить не только огромное количество постоянно переиздающихся учебников и вводных курсов, но и массу достаточно свежих книг, посвящённых теории и различным методам. У нас подобных изданий гораздо меньше, и дело здесь не только в том, что общее количество археологов в России ниже, чем в Англии или Америке (подавляющее большинство там занимается спасательной археологией, им некогда заниматься теоретической рефлексией).

На ум приходит другой вопрос: какие теоретические труды были переведены на русский язык? В советское время это фактически диффузионистская книга Г. Чайлда «Древнейший Восток в свете новых раскопок» и небольшая брошюра «Прогресс и археология». Гораздо позднее — «Теоретическая археология» Ж.-К. Гардена и «Древние цивилизации» К. Ламберга-Карловски и Дж. Саблов. В постсоветский период перевели классическую книгу Г. Чайлда «Что случилось в истории», правда, под другим названием — «Расцвет и падение древних цивилизаций» — и без сносок. Буквально в прошлом году издали замечательную книгу Д. Энтони «Лошадь, колесо и язык» о происхождении индоевропейцев и их языков. Вот, пожалуй, и всё. И это удивительно.

Удивительно хотя бы потому, что в постсоветский период было переведено на русский язык огромное количество зарубежных работ в области общественных и гуманитарных наук. По антропологии, например, были изданы труды многих классиков — Б. Малиновского, А. Рэдклифа-Брауна, Э. Лича, Э. Эванса-Причарда, А. Крёбера, Р. Бенедикт, Л. Уайта, Дж. Мёрдока, Э. Геллнера, М. Салинза, М. Годелье, К. Гирца и др. Почему у отечественных издателей проявился такой слабый интерес к крупным концептуальным работам в археологии — совершенно непонятно. Нельзя же полагать, что подобные книги не были бы востребованы российским читателем. Другой вопрос, что, в отличие от антропологов, среди российских археологов не сформировалось влиятельного лобби, которое бы способствовало реализации подобной книгоиздательской программы.

Можно предположить, что существуют три ключевые причины снижения интереса к теории в отечественной археологии. Первая вызвана кардинальным сломом нашего мировоззрения после 1991 г. и глубоким разочарованием гуманитариев в любых теоретических построениях. При этом если в зарубежной археологии это был период господства постпроцессуализма¹ (неслучайно наиболее влиятельные теоретики в археологии заговорили о смерти археологической теории [Bintliff, Pearce 2012]), то отечественную науку поразила другая напасть — вирус позитивистского эмпиризма (иное мнение отстаивает Е.М. Колпаков в своей статье в этом номере). Широкого распространения среди российских археологов не получили как достижения процессуальной археологии и неозволюционизма (теории вождества и происхождения государства, типологии эволюционных стадий Э. Сервиса, М. Фрида и Т. Эрла; археология поселений Г. Уилли; идея сетевой и корпоративной стратегий; многолинейная эволюция и др.), так и постпроцессуальный скептицизм Я. Ходдера и его последователей.

Интересно, что, в отличие от археологов, российские историки достаточно быстро освоили в качестве новой методологии теорию модернизации. Модернизационная теория не противоречит материалистическому пониманию общественного бытия и органично заменила историкам «всесильное учение». А вот почему в массовом масштабе археологи не приняли перечисленные выше неозволюционистские парадигмы, для меня совершенно непонятно. По личному опыту знаю, что некоторые коллеги до сих пор продолжают использовать в качестве главной теоретической книжки по доистории давно устаревшую работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Вторая причина заключается в нынешней так называемой оптимизации высшего образования. Ещё с 1990-х гг. были сокращены нормы внеаудиторной нагрузки (время на приём зачётов и экзаменов, подготовку и проверку курсовых и дипломных работ и др.). Затем стали сокращать часы, предусмотренные для практик, в том числе и для ранее обязательной в разных университетах и пединститутах археологической. Наконец, дошли до увеличения нагрузки. Если советский

¹ Поскольку преобладающей парадигмой в антропологии и отчасти в археологии на Западе стал постмодернизм, непolitкорректно было демонстрировать свою приверженность идеям эволюционизма. Образно говоря, подобно белым гетеросексуальным мужчинам в современном западном обществе, эволюционисты стали отвергаемыми маргиналами в современной западной антропологии и археологии. Как следствие, наиболее влиятельные книги последнего десятилетия с использованием эволюционистской парадигмы оказались написанными не антропологами, а биологом — Дж. Даймондом (Даймонд 2009, 2016).

профессор, имея нагрузку 400 часов в год (из которых примерно половина уходила на аспирантов, ещё столько же — на дипломников и курсовиков), реально читал не более курса в семестр, примерно как и его западный коллега, то современный российский профессор почти ничем в плане нагрузки не отличается от ассистента. Он вынужден набирать горловую нагрузку более 900 часов, что заставляет его читать не менее 10—12 курсов. Невозможно быть специалистом одновременно в таком количестве дисциплин. И совершенно нереально после всего этого писать статьи и книги.

Третья причина обусловлена серьёзными изменениями в выделении финансирования на фундаментальные научные исследования. В постсоветский период была сформирована система грантового финансирования. Она складывалась из разных потоков: гранты научных фондов (РФФИ, РГНФ, РФФИ), гранты других фондов, многочисленные академические программы (Президиума РАН, профильных и региональных отделений). Некоторые вузы имели госзадания. После 2013 г. программы РАН прекратили своё существование. Позднее были закрыты РГНФ и РФФИ. Со временем остался только один массовый фонд — РФФИ, который ориентирован в основном на естественные науки. Те проекты, которые проходят там по общественным и гуманитарным наукам, чётко ориентированы на конкретные результаты. Они должны быть представлены в статьях в рейтинговых журналах. Очевидно, что подобная организация рецензирования проектов и научного труда не способствует работе над вопросами теории.

Между тем мировая археология переживает сейчас новую научную революцию. Первая научная революция XIX в. была связана с заимствованием из биологии принципов систематики и эволюции, стратиграфии — из геологии. Вторая революция началась в середине прошлого века с открытием радиоуглеродного метода датирования, созданием палинологии. Она совпала с появлением процессуальной («новой») археологии. Стали активно внедряться методы и модели пространственной географии. Наконец, современная революция связана с открытиями в палеогенетике, появлением методов анализа стабильных изотопов, изучением биоантропологических останков, больших данных (Kristiansen 2014; 2022; Кристиансен 2023).

Учитывая значимость поставленных вопросов, редколлегия журнала «Мультидисциплинарные исследования в археологии» решила посвятить специальный номер этой проблеме. Мы обратились к научному сообществу с предложением обсудить, нужна ли теория в современной археологии и что должно входить в её состав? Достаточно ли для археологической теории только эпистемологической проблематики или же она должна включать более широкое поле исследований?

Есть ли будущее у археологии как отдельной науки, должна ли она постепенно стать естественно-ориентированной, оставаться в рамках исторической науки или войти в состав антропологии? Как и на каких факультетах следует её преподавать?

Редколлегия не стала ограничивать авторов жёсткими рамками поставленных вопросов — мы предложили самостоятельно выбрать круг рассматриваемых проблем и жанр размышлений. Это могли быть статьи, посвящённые как общим рассуждениям, так и отдельным сюжетам и направлениям (палеоэкология, гендер, структура общества, этничность и т.д.), или же работы конкретного характера, демонстрирующие варианты реализации теоретических подходов в археологии.

В результате на призыв откликнулись восемь коллег, которые любезно прислали свои тексты. Это примерно половина из тех исследователей, кому были отправлены приглашения. Учитывая ограниченную выборку, это не так мало. Дж. Томас на вопрос, сколько в Англии человек имеют отношение к археологической истории, ответил, что всего не более трёх десятков исследователей, а если добавить специалистов из смежных наук, то таковых наберётся максимум с полсотни (Thomas 1995: 343—344). Мало кто рискнул бы оценить, сколько человек в современной отечественной археологии имеют отношение к теории, но едва ли их число было бы больше, чем на Туманном Альбионе. Возможно, косвенным показателем являются независимые выводы Я.А. Шера (Шер 2016: 347—348) и Д.С. Коробова в статье в настоящем номере о том, что в российской археологии всего не более 2% статей могут быть отнесены к теоретическим. При всей условности подобных подсчётов можно не сомневаться в том, что теоретиков всегда немного.

Первые из двух представленных статей отражают полярные оценки современной теоретической археологии в России. Е.М. Колпаков полагает, что ситуация в отечественной археологии не вызывает опасения. Кризис, который существует в теоретической археологии, касается в основном западной постпроцессуальной науки. В российской науке теория имплицитно присутствует в крупных обстоятельных исследованиях, посвящённых каким-то конкретным темам.

Несомненно, Е.М. Колпаков прав в том, что теоретический аспект присутствует во многих работах, казалось бы, конкретно-исторического характера. В качестве примера можно сослаться на представленные в этом журнале статьи С.В. Шараповой и соавторов, а также С.Г. Боталова. Более того, выскажу, возможно, отчасти крамольную мысль: из теорий лучше воспринимаются те, которые сформулированы на конкретных примерах, а не те, что представлены в виде сухих теоретических выкладок. Достаточно упомянуть, например,

фундаментальные работы в области исторической антропологии А.Я. Гуревича (1972). Не могу не разделить скептический пафос в отношении ТАГ (TAG). Действительно, это движение в нынешнем виде во многом себя исчерпало.

Тем не менее мне лично скорее близок умеренный пессимизм. Полтора десятилетия назад я опубликовал большой обзор о состоянии социальной археологии в России (Kradin 2011). С середины нулевых годов примерно в течение десяти лет было опубликовано несколько важных теоретических работ по социальной археологии (Крадин, Тишкин, Харинский 2005; Koryakova, Erimakhov 2007; Матвеева 2007; Берсенева 2011; Берёзкин 2013). Но удивительно то, что после публикации вышеупомянутого обзора практически не выходили в свет крупные обобщающие исследования в данной области (во всяком случае, мне они не известны). Это при всём том, что проблематика социальной археологии традиционно занимала важное место в рамках советской (Массон 1976), а затем и постсоветской археологической науки. Вряд ли подобное сокращение исследований в данной области является случайным стечением обстоятельств.

Отметим и другой принципиально важный момент. Современная мировая археология становится всё более естественной дисциплиной. В российской науке наблюдается тенденция отставания в использовании различных естественно-научных методов от зарубежных коллег в силу хронического недофинансирования (особенно после 2013 г., когда многие научные институты среднего уровня оказались лишёнными возможности обновлять приборную базу). Но даже не это самое главное. Теоретическая и методологическая составляющая образовательных курсов для подготовки будущих археологов за последние несколько десятилетий почти не претерпела никаких изменений. В этом может убедиться любой. Достаточно набрать названия соответствующих предметов в поисковой системе («археология», «первобытное общество» и др.). В большинстве из высказываемых программ продолжают тиражироваться давно устаревшие концепты позапрошлого века — от матриархата и группового брака до военной демократии. При этом даже если в двух или трёх ведущих университетах страны курсы читаются с учётом новых достижений мировой науки, это не отражается на «общей температуре» по стране². Сложилась парадоксальная ситуация. Казалось бы,

---

² Как кажется, одной из важных причин живучести устаревших концепций является децентрализация в образовательном процессе. Сегодня каждый преподаватель волен сам выбирать содержание читаемых курсов. Естественно, он ориентируется на те знания, которые ему передали его учителя. Исчезла практика обязательного повышения квалификации преподавателей из региональных вузов в ведущих университетах страны.

марксизм должен был уйти вместе с закончившейся эпохой, но Морган с Энгельсом оказались живее всех живых.

Д.С. Коробов придерживается умеренного оптимизма и распространяет свои выводы шире, на Центральную и Восточную Европу. Его оптимизм основан на постоянном увеличении огромного количества источников, новых методов, пришедших из естественных наук. Он сочувственно цитирует К. Кристиансена. В этом с ним нельзя не согласиться. Как специалист в области политогенеза я давно осознал, что фактологический потенциал истории и антропологии в этой проблематике существенно снизился. Подавляющее большинство нарративных источников, касающихся древних обществ, уже введены в научный оборот. На планете уже не осталось вождеств и раннегосударственных обществ, чтобы изучать их методом наблюдения. И только археологи ежегодно вводят в научный оборот огромные массивы данных, которые в совокупности с новыми методами в состоянии существенно корректировать наши представления о происхождении государства, сформированные у нас главным образом на основании письменных источников (Крадин 2021).

Сложно спорить с Д.С. Коробовым о доминировании в отечественной археологии, а также на постсоветском пространстве от Прибалтики до Центральной Азии культурно-исторической парадигмы. Добавлю, что данная парадигма доминирует и в североамериканской археологии (Feinman, Neitzel 2020). На самом деле это очень удобно, и подсознательно её использует подавляющее число археологов. Особенно это касается недостаточно изученных регионов, где едва ли не каждый отличающийся от других памятник может поначалу стать основанием для выделения новой культуры. Опасность заключается в другом. Работая с коллекциями, археолог вольно или невольно может начать отождествлять найденные им фрагменты жизнедеятельности человека с конкретными обществами. В результате археологические культуры трансформируются в этнические общности.

Именно об этой опасности пишет в своей статье С.А. Васютин. Автор правильно показывает, что названия древних и средневековых народов, по сути, представляют собой политонимы. Результаты палеогенетических исследований подтверждают эту точку зрения. В дополнение следует добавить, что, похоже, расовая терпимость была более распространена в доиндустриальных обществах, чем это принято было считать. Во всяком случае, применительно к кочевникам совершенно точно. Дополняя выводы С.А. Васютина, следует сказать, что для степных империй была характерна пёстрая генетическая структура населения. В элиту нередко входили и имели высокий статус представители иных расовых групп. Это подтверждается и сведениями исторических источников (китайские евнухи

при хуннских шаньюях, согдийцы при уйгурских каганах, «цветно-глазые» сэму при монгольских ханах и др.).

Нужно также иметь в виду, что названия многих племён или вожеств кочевников могли меняться по мере ослабления доминирующего клана и перехода лидерства к другому. Это нередко приводило к смене племенного названия. По этой причине в источниках можно зафиксировать наличие новых этнонимов. Однако нужно учитывать, что далеко не всегда это следует расценивать как свидетельство изменения этнического состава. В качестве наглядного примера можно привести киданей доимперского периода (Цай Мэйбяо 2022).

Третья статья написана патриархом отечественной социальной археологии В.В. Бобровым. Он предлагает внимательно отнестись к опыту интеграции сибирскими учёными исследований археологов и этнологов (антропологов). В сущности, он призывает следовать по пути углублённого взаимодействия представителей данных дисциплин. Продуктивность подобного шага очевидна, поскольку без знания этнографии невозможно понять особенности жизнедеятельности древних культур Сибири (см., например, блестящие работы М.Ф. Косарева [1984; 1991]). Ещё более очевидно, что В.В. Бобров, по сути, призывает к сближению с классической американской культурной антропологией, где археология изначально считалась частью антропологии⁵.

Не отрицая правильности подобной постановки вопроса, хотелось бы заметить, что многое зависит от объекта нашего исследования. Если речь идёт об изучении народов бесписьменной периферии, то обращение к материалам по этнологии Сибири и Америки (как и другим регионам) представляется оправданным. Если же мы изучаем культуры и цивилизации классической древности, то нужно проявлять определённую осторожность в использовании этнографических аналогий (Yoffee 2005). В любом случае необходим разумный баланс между имеющимся корпусом источников и доказательствами по аналогии.

Ю.Е. Берёзкин демонстрирует в своей статье уникальный пример того, как большие данные открывают новые горизонты, как огромная база фольклорной информации может быть полезной для археологии и доистории. Уже несколько десятилетий он составляет огромную базу данных мифов народов мира (<https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>). Картография сюжетов показала варианты коммуникаций и пути миграций человечества по земному шару.

---

⁵ В наши дни подобная интеграция неочевидна, поскольку американская антропология стала жертвой постмодернистской инклюзивности. Американские археологи имеют свои собственные организационные формы (SAA) и ежегодно проводят ритуальные обряды поддержания групповой идентичности в форме своих съездов.

При картографировании фольклорные мотивы группируются в две линии. Первая из них соединяет Центральную Евразию и Новый Свет, вторая идёт от Восточной Индии до Австралии и Южной Америки (Берёзкин 2003; 2005; 2007; 2009 и др.).

В современной антропологии есть специализация в соответствии с предметом исследования — экономическая антропология, политическая антропология, антропология города, гендерная антропология и др. По всей видимости, нечто подобное должно существовать и в археологии. Одни исследователи специализируются в области влияния природы на общество, другие изучают социальное неравенство, третьи — типы общественной организации, четвёртые фокусируются на урбанизации, пятые — на гендере и др. Работа Н.А. Берсеновой поднимает круг важных вопросов, связанных с таким направлением, как «археология детства». В статье исследована степень изученности данной проблематики в мировой археологии, а затем продемонстрированы перспективы использования применительно к обществам ранних кочевников Южного Урала.

Трудно не согласиться с тем, что внешняя среда влияет на учёных, и они подсознательно проецируют на объект исследования личные переживания. Новый век принёс нам миграции, войны, эпидемии, этнические конфликты. Вольно или невольно, пытаюсь осмыслить истоки данных явлений, археологи переносят свои чувства в прошлое. Неслучайно зафиксирован возросший интерес к таким темам, как археология мировых войн, миграции и переселения народов, информационные и культурные обмены, заболевания и травматизм древних людей. Этот интерес, несомненно, важен. Будем надеяться, что и в перечисленных направлениях будут сделаны новые важные открытия.

Чистая теоретическая археология, которая изучает то, что думают исследователи о результатах своих раскопок, — это эпистемологическая археология. И учёных в этой области очень мало. В нашей стране самым известным из них длительное время оставался Л.С. Клейн. Тем не менее теория не ограничивается только эпистемологией. Она вносит важный вклад в изучение адаптации человека к природной среде, социальной эволюции, в исследования пространства городов и многих других важных и актуальных тем для науки о человеке и обществе. Эпистемология значима для саморефлексии археологов. Это в известной степени показатель зрелости науки. Когда учёные начинают задумываться о том, что они делают и как они это делают, — это свидетельство перехода от простого собирания фактов к более осмысленному пониманию собственной деятельности. Но и здесь важно соблюсти баланс. Теория без конкретики суха, как чёрствый хлеб. Впрочем, и конкретика без теории слепа, как мореплаватель без компаса.

ЛИТЕРАТУРА

- Берёзкин Ю.Е. 2003. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии. *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 2, 94—105.
- Берёзкин Ю.Е. 2005. Оценка древности евразийско-американских связей в области мифологии. *Археология, этнография и антропология Евразии*, № 1, 146—151.
- Берёзкин Ю.Е. 2007. *Мифы заселяют Америку. Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет*. М.: О.Г.И.
- Берёзкин Ю.Е. 2009. *Мифы Старого и Нового Света*. М.: Астрель.
- Берёзкин Ю.Е. 2013. *Между общиной и государством: Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике*. СПб.: Наука.
- Берсенева Н.А. 2011. *Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры*. Екатеринбург: УрО РАН.
- Даймонд Дж. 2009. *Ружья, микробы и сталь*. М.: АСТ.
- Даймонд Дж. 2016. *Мир позавчера*. М.: АСТ.
- Гуревич А.Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. М.: Искусство.
- Клейн Л.С. 1993. *Феномен советской археологии*. СПб.: Фарн.
- Косарев М.Ф. 1984. *Западная Сибирь в древности*. М.: Наука.
- Косарев М.Ф. 1991. *Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда*. М.: Наука.
- Крадин Н.Н. 2021. *Происхождение неравенства, цивилизации и государства*. СПб.: Издательство Олега Абышко.
- Крадин Н.Н., Тишкин А.А., Харинский А.В. 2005 (ред.). *Социальная структура ранних кочевников Евразии*. Иркутск: ИрГТУ.
- Кристиансен К. 2023. Навстречу обновлённой предьстории: переосмысление генов, культуры и миграционных экспансий. *Мультидисциплинарные исследования в археологии* 6 (1), 3—27.
- Маслов В.М. 1976. *Экономика и социальный строй древних обществ*. Л.: Наука.
- Матвеева Н.П. 2007. *Реконструкция социальной структуры древних обществ по археологическим данным*. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та.
- Цай Мэйбяо. 2021. Племенная организация и образование государства у киданей. *Мультидисциплинарные исследования в археологии* 5 (1), 3—62.
- Шер Я.А. 2016. Нужна ли теоретическая археология? *Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник научных трудов памяти И.С. Каменецкого*. Отв. ред. А.Н. Гей, И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 346—354.
- Bintliff J., Pearce M. 2012 (eds.). *The Death of Archaeological Theory?* Oxford and Oakville: Oxbow Books.
- Feinman G., Neitzel J. 2020. Excising Culture History from Contemporary Archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 60, No. 101230, 1—13.
- Koryakova L.N., Epimakhov A.V. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kradin N.N. 2011. A Panorama of Social Archaeology in Russia. *Comparative Archaeologies: A Sociological View of the Science of the Past*. Ed. by L.R. Lozny. New York: Springer, 243—271.
- Kristiansen K. 2014. Towards a New Paradigm? The Third Science Revolution and Its Possible Consequences in Archaeology. *Current Swedish Archaeology* 22, 11—34.
- Kristiansen K. 2022. *Archaeology and the Genetic Revolution in European Prehistory*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Thomas J. 1995. Where are We Now?: Archaeological Theory in the 1990s. *Theory in Archaeology: A World Perspective*. Ed. by P. Ucko. London and New York: Routledge, 337—356.
- Yoffee N. 2005. *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press.

ARCHAEOLOGY AND THEORY: INTRODUCTION TO THE ISSUE

N.N. Kradin

This issue of the journal is devoted to archaeological theory in Russia. Recently, there has been a decrease in the number of publications devoted to theoretical aspects in archaeology. The editors of MRA have called on the professional community to discuss this problem. Several colleagues have responded to the questions posed. It is considered what reasons could have led to a decrease in interest in theory in Russian archaeology and how this is related to the trends in the development of archaeological studies in the world.

Keywords: archaeology, theory, social archaeology, science history.

REFERENCES

- Berezkin Yu.E. 2003. Yuzhnosibirsko-severoamerikanskije svyazi v oblasti mifologii [South Siberian — North American Relations in the Field of Mythology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 2, 94—105.
- Berezkin Yu.E. 2005. Otsenka drevnosti evraziysko-amerikanskikh svyazey v oblasti mifologii [An Assessment of the Antiquity of Eurasian-American Relations in the Field of Mythology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 1, 146—151.
- Berezkin Yu.E. 2007. *Mify zaselyayut Ameriku. Areal'noe raspredelenie fol'klornykh motivov i rannie migratsii v Novyy Svet* [Myths Populate America. Areal Distribution of Folklore Motifs and Early Migrations to the New World]. Moscow: O.G.I.
- Berezkin Yu.E. 2009. *Mify Starogo i Novogo Sveta* [Myths of the Old and New Worlds]. Moscow: Astrel.
- Berezkin Yu.E. 2013. *Mezhdru obshchinoy i gosudarstvom: Srednemashtabnye obshchestva Nuklearnoy Ameriki i Peredney Azii v istoricheskoy dinamike* [Between Community and State: Middle Scale Societies of Nuclear America and Western Asia in Historical Dynamics]. Saint Petersburg: Nauka.
- Berseneva N.A. 2011. *Sotsial'naya arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoy kul'tury* [Social Archeology: Age, Gender and Status in Burials of the Sargat Culture]. Ekaterinburg: UrO RAN.
- Daymond Dzh. 2009. *Ruzh'ya, mikroby i stal'* [Guns, Serms and Steel]. Moscow: AST.
- Daymond Dzh. 2016. *Mir pozavchera* [The World Until Yesterday]. Moscow: AST.

- Gurevich A.Ya. 1972. *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow: Iskusstvo.
- Kleyn L.S. 1993. *Fenomen sovetskoy arkheologii* [The Phenomenon of Soviet Archeology]. Saint Petersburg: Farn.
- Kosarev M.F. 1984. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti* [Western Siberia in Antiquity]. Moscow: Nauka.
- Kosarev M.F. 1991. *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: chelovek i prirodnyaya sreda* [Ancient History of Western Siberia: Man and the Natural Environment]. Moscow: Nauka.
- Kradin N.N. 2021. *Proiskhozhdenie neravenstva, tsivilizatsii i gosudarstva* [Origins of the Inequality, Civilization, and the State]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko.
- Kradin N.N., Tishkin A.A., Kharinsky A.V. 2005 (eds.). *Sotsial'naya struktura rannikh kochevnikov Evrazii* [Social Structure of Early Nomads of Eurasia]. IrGTU.
- Kristiansen K. 2023. Navstrechu obnovlennoy predystorii: pereosmyslenie genov, kul'tury i migratsionnykh ekspansiy [Towards a Renewed Prehistory: Rethinking Genes, Culture, and Migratory Expansions]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [Multidisciplinary Research in Archeology] 6 (1), 3–27.
- Masson V.M. 1976. *Ekonomika i sotsial'nyy stroy drevnikh obshchestv* [Economy and Social Structure of Ancient Societies]. Leningrad: Nauka.
- Matveeva N.P. 2007. *Rekonstruktsiya sotsial'noy struktury drevnikh obshchestv po arkheologicheskim dannym* [Reconstruction of the Social Structure of Ancient Societies Based on Archaeological Data]. Tyumen: Izd-vo Tyumenskogo gos. un-ta.
- Tsay Meybyao. 2021. *Plemennaya organizatsiya i obrazovanie gosudarstva u kidaney* [Khitan Tribal Organization and the Birth of the Khitan State]. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [Multidisciplinary Research in Archeology] 5 (1), 3–62.
- Cher Ya.A. 2016. Nuzhna li teoreticheskaya arkheologiya? [Is Theoretical Archeology Needed?]. *Arkheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya. Sbornik nauchnykh trudov pamyati I.S. Kamenetskogo* [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Collection of Papers in Memory of I.S. Kamenetsky]. Ed. by A.N. Gey, I.A. Sorokina. Moscow: IA RAN, 346–354.
- Bintliff J., Pearce M. 2012 (eds.). *The Death of Archaeological Theory?* Oxford and Oakville: Oxbow Books.
- Feinman G., Neitzel J. 2020. Excising Culture History from Contemporary Archaeology. *Journal of Anthropological Archaeology* 60, no. 101230, 1–13.
- Koryakova L.N., Epimakhov A.V. 2007. *The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kradin N.N. 2011. A Panorama of Social Archaeology in Russia. *Comparative Archaeologies: A Sociological View of the Science of the Past*. Ed. by L.R. Lozny. New York: Springer, 243–271.
- Kristiansen K. 2014. Towards a New Paradigm? The Third Science Revolution and Its Possible Consequences in Archaeology. *Current Swedish Archaeology* 22, 11–34.
- Kristiansen K. 2022. *Archaeology and the Genetic Revolution in European Prehistory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Thomas J. 1995. Where are We Now?: Archaeological Theory in the 1990s. *Theory in Archaeology: A World Perspective*. Ed. by P. Ucko. London and New York: Routledge, 337–356.
- Yoffee N. 2005. *Myth of the Archaic State: Evolution of the Earliest Cities, States, and Civilizations*. Cambridge: Cambridge University Press.